

Елена Стоянова

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского (Болгария)

**АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО
ОБОЗНАЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМА *МЕДВЕДЬ* В РУССКОЙ
И БОЛГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ)**

Проблемы номинации на протяжении длительного развития науки составляют важную часть исследовательского объекта. К ним обращаются многие ученые: Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, Б. А. Серебренников, А. И. Смирницкий, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев и др. Исследователями описываются закономерности образования языковых единиц и выполняемых ими функций в аспекте номинации. Изменение ракурса современных исследований и методологических принципов науки ставит во главу угла человека и направляет внимание исследователей к прагматическому аспекту – роли человеческого фактора в выборе признаков номинации, а также к человеку как объекту номинации, к языковым единицам как процессу и результату обозначения и характеристики лица. Важную роль в процессе идентификации человека, несомненно, играет вторичная номинация.

В частности, средством квалификации и идентификации является анималистическая лексика, создающая субстанциональный, чувственный образ обозначаемого, сопряженный со значительным коннотативным спектром в качестве особой доминанты лингвокультуры. В указанной группе единиц обычно разграничиваются *зоолексемы* как обозначения представителей животного мира, *анимализмы* – лексемы, образованные от названий животных, и *зооморфизмы* как названия животных, используемые для характеристики человека. Целью статьи является установление возможностей анималистической номинации как средства квалификации и идентификации человека на примере зоонима *медведь* в русской и болгарской лингвокультурах, а также при включении указанного зоонима в качестве компонента русских и болгарских устойчивых сочетаний. Исследование направлено на изучение лингвокультурной специфики при характеристике человека в указанных лингвокультурах.

Благодаря особенностям мыслительных операций, человек способен абстрагироваться от конкретного многообразия окружающих его предметов и явлений и выявлять присущее им сходство, некие общие и основополагающие признаки. Тесная связь мыслительной деятельности с языком как ее инструментом, а также с речью, в которой мысль воплощается, дает возможность осуществления языковой репрезентации когнитивных процессов. В основе такого рода номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, то есть природная способность человека выявлять подобие между различными предметами и/или явлениями окружающего мира, устанавливать ассоциативные векторы по сходству или по смежности между определенными чертами объектов. В ассоциативную соотносительную цепь при номинации человека часто включаются зоонимы. Ассоциативные признаки при этом, как отмечает В. Н. Телия, «могут соответствовать компонентам переосмысливаемого значения, а также таким смысловым признакам, которые, не входя в состав дистинктивных признаков значения, соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения» (ЛЭС 1990).

В процессе метафоризации взаимодействуют активизируемые *модусом фиктивности*¹ знания о мире и актуализируемые ассоциативно-образные представления, и тот новый смысл, который становится неизменным итогом инициируемого движения. С помощью допущения о подобии осуществляется переход от реального к предполагаемому, где реальным может быть внешний признак (форма, цвет и т.д.) или внутренний признак (функция, качество и т.д.), а также локализация предметов в пространстве или во времени, производимое впечатление или другие факторы, влияющие на возникновение аналогии. Подобная обусловленность мыслительной деятельности человека предопределяет существование в различных языках универсальных моделей, идентичных образов для трансляции культурной информации.

В познании мира человек опирается как на личный опыт, так и на накопленное коллективное знание, исследуя окружающие его предметы и явления путем их сравнения и сопоставления. Подобие, лежащее в основе косвенной номинации, сопровождающее процесс когнитивной, является универсальным, присущим как современному, так и мифологическому сознанию. Но современная метафоричность значительно отличается от образности на ранних стадиях развития лингвокультуры, поскольку процессы древней категоризации и концептуализации мира происходили в рамках архетипических оппозиций. Однако представители этноса при квалификации

¹ Термин *модус фиктивности* предлагает В. Н. Телия (см.: Телия 1988: 173–204) и наиболее полно и точно позволяет обозначить сущностный инициальный параметр метафоризации, определить тот необходимый винтик, который приводит в движение весь когнитивный механизм.

предмета и явления непременно «делают их объектом этнической мысли, которая оперирует ими как уже национально интегрированными предметами и явлениями» (Шаклеин 1999: 64). Таким образом, в концептуализацию и категоризацию мира включается национальный маркер. Выявлению национально-культурной специфики анималистической лексики посвящены работы А. А. Брагиной, В. Г. Гака, А. В. Гуры, Е. А. Гутман, В. М. Мокиенко, В. Я. Проппа, Г. Н. Складневской и др. Лингвокультурная составляющая постепенно начинает включаться в словарные статьи современных словарей².

В процессе исторического развития человек, будучи частью природы, непрерывно соприкасался с животным миром, познавая его. Первоначальное взаимодействие носило обыденный характер. Данное отношение человека к животному миру как средству своего жизнеобеспечения сменилось сакральными представлениями о животных в рамках мифологического мировоззрения. При этом когнитивная нить, пронизывающая и соединяющая профанный и сакральный мир, проявлялась в символическом восприятии и понимании животного, в попытках установления общих с ним черт. Подобное интуитивное единение с животным служило реальной возможностью постижения сложности бытия. Последующий разрыв с животным миром и возвышение человека над природой (человек – царь/хозяин природы) способствует постепенному утверждению человека в качестве культурного существа и носителя культуры, прилагающего сформировавшуюся интерпретационную схему символического видения животного мира, в которой находят отображение представления дихотомических отношений противопоставления, единения или сопоставления человека и того или иного животного.

В языковой номинации человека, построенной на ассоциации с миром животных, находят отображение особенности национального духа и культуры. Подобные номинации относятся к ярким, ценностно значимым реализациям представлений народа, формирование которых складывалось в процессе длительного развития той или иной национально-культурной общности. Они базируются на обобщении архетипических образов, лежащих в основе мифологической ориентации человека в мире природы. «Логика мифа» как первобытного (мифологического) мышления проявляется в его логической диффузности и нерасчлененности. Характерной чертой мифологического осмысления мира у славян оказывается антропоморфизм, проявляющийся в одухотворении стихий природы, наделении природных явлений духовными

² Например, Т. В. Козлова, *Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных: В помощь политикам, менеджерам, лингвистам*, Москва: Дело и Сервис, 2001; И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, *Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь*, Москва: Гнозис, 2004; *Большой лингвострановедческий словарь «Россия»*, под общ. ред. Ю. Е. Прохорова, Москва, 2007; *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*, ред. В. Н. Телия, Москва: АСТ-ПРЕСС, 2008 и др.

и телесными характеристиками человека. Духовное единение с животными, которых человек наделяет человеческими чертами, имеет важное значение в жизни древних людей. Антропоморфные изображения и представления о существовании полулюдей-полузверей могут свидетельствовать о появлении у людей верхнего палеолита пантеона богов или сверхъестественных существ (The Prehistory of the Mind 1996; Lerro Bruce 2000: 17–20). Магические действия шаманов как сцена отождествления шамана с духом зверя, в целях пожелания удачной охоты, плодородия и т.д., обуславливается пониманием общности природы и племени. Подобное ритуальное переодевание в шкуры животных и использование масок характерно для современных племенных сообществ и в то же время в развитых формах человеческой организации является проявлением традиционной культуры в буднях и праздниках различных народов.

Иными словами, анималистическая лексика и зоонимы в качестве компонентов фразеологических единиц (ФЕ) несут в себе традиционное знание и являются отображением представлений того или иного народа. А современная метафорическая их актуализация служит ярким стилистическим средством репрезентации ментальных особенностей и лингвокультурной ситуации. Человек как часть природы, неизменное сосуществование человека с животным миром, природная склонность к извлечению подобия заставляет человека искать общие черты (в частности, с животным миром), которые становятся основой метафорического переноса. Подобная номинация является распространенным явлением в языке и способствует созданию ярких, незабываемых образов, в основе которых лежит не просто какая-то внешняя черта или внутренний признак характера животного или его повадок, а целый комплекс утвердившихся в лингвокультуре представлений. В подобных номинациях находит отображение длительный ход развития культуры, поскольку формирование разного рода символического и стереотипизированного знания – это сложный и подчас противоречивый процесс. Особую ценность в такого рода номинациях, несомненно, несет в себе коннотативный пласт, реализующий культурную и эмотивную составляющие семантики единицы.

Среди анималистической лексики, пожалуй, центральное место занимает *медведь*. Именно этому животному отводится важная роль в формировании архетипических представлений славянских народов. Как известно, в древности у славянского населения существовал культ *медведя*. Начало почитания *медведя* относится к периоду палеолита, когда были обнаружены медвежьи пещеры с останками животных, а также ритуальные захоронения медведя с целью его реинкарнации. Кроме того, *медведь* является важным персонажем различных славянских обрядов и праздников, которые базируются на древних земледельческих и охотничьих ритуалах, в которых медведь наделялся божественной властью и силой, выступал покровителем, предком, хозяином и героем. Земледельческая направленность деятельности славян

свидетельствует о связи медведя с солярным и растительными культами, которые реализуют идеи цикличности жизни и плодородия. Почитание медведя проявляется в его задабривании в различных славянских обрядах и ритуалах. Например, в болгарском народном календаре 30 ноября – день святого Андрея, соотносится с днем медведя (*Мечкинден*). В северной Болгарии существуют поверья, что указанный святой победил медведя, запряг его в плуг и вспахал землю, поэтому в этот день медведю оставляли сваренное зерно (чаще всего кукурузу) или бросали зерно в дымоход с заклинанием: «*На ти, мечко, варен кукуруз, да не ядеш суровия и да не ядеш човеците и стоката!*» (букв. на тебе, медведь, вареной кукурузы, чтоб не ел сырой, чтоб и не ел людей и продукты), чтобы умиловить зверя, обращались к нему с мольбой о здоровье и плодородии. Кроме того, в доме вывешивали атрибуты медведя в качестве оберега от злых сил.

Солярный культ с идеями вечности, плодородия, связанный с весенним пробуждением медведя и началом весеннего цикла, лежали и в основе славянского Нового года в марте, Масленице, участником которой также выступал медведь (или ряженые в маски медведя) как олицетворение природы. *Медведь* являлся участником святочных обходов дворов, свадебных ритуалов, болгарских кукерских игр (мечка и мечкар) и др. Например, как свидетельство и отображение указанного традиционного участия дрессированных медведей в старинных празднествах можно рассматривать функционирование устойчивых сочетаний: русск. *Отставной козы барабанщик* ‘никому не нужный, никем не уважаемый человек’ (речь идет о сопровождении медведя мальчиком-плясуном, наряженным козой, и барабанщиком, аккомпанирующим его пляске), русск. *Водить за нос* ‘обманывать, обещая и не выполняя обещанного’ (ФЕ связана с вождением дрессированных медведей за продетое в ноздри медведя кольцо, при этом их заставляли делать разные фокусы, обманывая обещанием подачи), болг. *Водя за носа* ‘командовать, управлять, держа в покорстве’.

Концептуальное содержание медведя включает множество мотивов. Например, медведь ~ божество (чистое и нечистое животное), медведь ~ прародитель (потомок небесного отца и мифической земной матери), медведь ~ родственник (медведь и человек – братья, брачные партнеры), медведь ~ оборотень (превращение человека в медведя), медведь ~ защитник (существо со сверхспособностями), медведь ~ целитель (магические свойства предметов охоты), медведь ~ новое начало (инициация и плодovitость), медведь ~ предсказатель (участие медведя в гаданиях) и др. Данные мотивы восходят к архетипам Отца и Матери, анимы и анимуса (женское или мужское начала), а также частично к архетипу Тени (злое, деструктивное начало), Старца или Старухи (мудрость, магическая сила) и к более поздним проявлениям в образе медведя архетипов Хозяина и Героя (см. подр. Данилов 1995; КошкарOVA URL; Стоянова 2012 и др.).

Единение человека с окружающим его миром лежит в основе мифологемы *медведь ~ человек*, акцентирующей внимание на идее родства человека и медведя. Медведь традиционно наделяется антропоморфными признаками, как внешними, так и внутренними – чертами характера. Физиологически у человека и медведя очень много общего – это прямоходящие, всеядные существа, сообразительные, накапливающие опыт и обучающие своих детей. Медведи, в отличие от других хищников, ходят, ступая, как человек, на всю ступню, поэтому их следы слегка напоминают человеческие ступни и ладони, а туловище медведя с ободранной шкурой напоминает тело человека. Очевидно, по этой причине у славян существовало поверие о человеческом происхождении медведя и даже был распространен запрет есть медвежатину. Северные народы полагали, что и медведю не велено есть человека (за исключением – в наказание за совершенный грех). Доказательством человеческого происхождения медведя охотники считают тот факт, что на медведя и на человека собака лает одинаково, не так, как на других зверей (Мадлевская 2007: 266). В легендах и мифах красной нитью проходит этиологический мотив. Однако в славянской мифологии *медведь* никогда не выступает в качестве первопредка человека как такового (Гура 2004: 211–215).

Особенность мышления архаичного человека обуславливает, по Е. М. Мелетинскому, очеловечивание природы и всего неживого, появление персонажей, способных к повседневному переходу из человеческого мира в мир природы и, наоборот (Мифологический словарь 1991). Мотив трансформации-оборотничества становится одной из ведущих тем славянских сказок, где героем является полумедведь-получеловек (Например, «Медвежье Ушко», «Медведко») и находит отражение в русских пословицах и поговорках. Например: *И медведь от битья станет муллой. Оборотнем медведь, волк пастухом, а свинья огородником не бывают.*

Суеверное, почтительное отношение к медведю демонстрируется в табуировании его имени. Слово *медведь* (от **medu-/medv-* ‘мёд’ + **ēd-* ‘есть, принимать пищу’) означает ‘поедающий мед, ведающий медом’ (ср. русск. *медведь*, болг. *медун*). Свидетельством эвфемизации являются многочисленные антропоморфные номинации *медведя*. Русского *медведя* принято называть человеческими именами: по имени или по имени-отчеству, демонстрируя уважение и почитание к нему: *Миша, Михайло Иванович, Потапыч, Топтыгин* и др.

При сопоставлении концептуальных особенностей *медведя* в русской и болгарской лингвокультурах важное место занимают архетипические представления о медведе как о женщине, матери, старухе, которые по мере перехода от матриархата в качестве формы общественного устройства периода разложения родового строя к классовому обществу заменяются соответствующими мужскими архетипами. Показательно, что в болгарской лингвокультуре в понятии *медведя* консервируется действие женских архетипов коллективного бессознательного, а в русской – фиксируется переход к мужским.

В болгарском языке слово *медведь* сохраняет первоначальный гендерный аспект: болгарская лексема *мечка* – это слово женского рода, а в культуре реализуется активность и действенность женского начала – представлены номинации *медведя* как женщины *Баба Меца*, *Мецана*, *Тодора*. В образе *Баба Меца* как популярном герое болгарских народных сказок ярко отображены черты плодородия и материнства. Лексема *стръвница*, *стръвна* (букв. алчный, остервеневший) является номинацией как алчной женщины, так и медведя, который набрасывается на людей или животных. При выражении сильных эмоций и чувств радости или недовольства в болгарской лингвокультуре используется устойчивое сочетание *Майка му мечка* (букв. мать его медведица). Ср. в русской лингвокультуре аналогично функционируют восклицания: *Мать моя женщина! Мать честная! Роди меня обратно! Отец мой генерал! Отец мой мужчина!* и др. (см. словари: Белянин, Бутенко 1994; Мокиенко, Никитина 2007). Гендерный аспект проявляется и в выражениях (в том числе и в обрядных свадебных песнях), где в образной составляющей присутствуют обычные, характерные для женщины, хозяйственные обязанности: *Мечка тесто валяше, повече го лапаше* (букв. медведица тесто месила, больше его ела) (Българска народна поезия и проза. Бобошево, Дупнишко, сватбена – когато момите месят погачата и «галабъето»).

Медведь как метафорическая номинация человека базируется на видимой ассоциации (по внешнему виду), а также на функциональных свойствах – это крупный, сильный, но грузный и неуклюжий человек. Ассоциативное соотношение с местом обитания (видимая пространственная связь объектов) обуславливает новую номинацию, где медведь – это малокультурный, невежественный, невоспитанный, грубый человек. По мнению М. Блэка, эффект метафорического использования слова в отношении человека состоит именно в актуализации соответствующей системы общепринятых ассоциаций в сознании человека и соединении с имеющимся представлением о субъекте, в результате чего и образуется порой необычное сочетание смыслов (Блэк 1990: 164). При этом метафора человек – медведь отказывается от одних деталей и актуализирует другие, создавая в сознании соответствующий образ. Указанный метафорический эффект во всей полноте используется Н. В. Гоголем при создании образа одного из помещиков (Собакевича) в поэме «Мертвые души», напоминавшего медведя не только своим внешним видом, но и характеристиками его внутреннего мира: «*Чичиков еще раз взглянул на него (на Собакевича – Е. С.) искоса, когда проходили они в столовую: Медведь! Совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семеновичем*». В соответствии с текстом идентификация медведь – человек фиксируется и в самом антропониме.

В болгарской лингвокультуре в качестве номинации (прозвища) сильного человека используется лексема *боримечка* (букв. поборовший медведя). Указанное прозвище связано с необходимостью уничтожения остервеневшего

медведя (болг. *стръвница*), почуявшего кровь, чтобы избежать последующих нападений на скот и людей. В этом случае охотники объединялись и преследовали разъяренного зверя, а человека, которому удавалось убить (побороть) медведя принято было называть *боримечка*. В романе патриарха болгарской литературы Ивана Вазова «Под игом» под именем Боримечка (Иван Боримечка) был представлен сподвижник и помощник главного героя Огнянова. Указанный антропоним идентифицирует простодушного крестьянского парня, богатыря и силача, безгранично преданного борьбе за свободу. Номинация медвежьего самца *медун* (устар.) в болгарском языке используется для обозначения сердитого, хмурого человека.

Зооним *медведь* в русском и болгарском языках можно представить в виде таблицы:

	В русском языке	В болгарском языке
Название самца	1) медведь* <i>Миша, Михайло Иванович, Топтыгин, Потапыч</i>	1) мечок, медун (устар., диал.)
Название самки	2) медведица <i>Настасья Петровна</i>	2) мечка* , стръвница <i>Баба Меца, Мецана, Тодора</i>
Название детеныша	3) медвежонок <i>Миша, Мишутка</i>	3) мече, меченце <i>Мечо, Медо, Медунчо, Мечок</i> (устар.)

Фразеологизмы, пословицы и поговорки с компонентом *медведь* также являются реализацией мифологемы *медведь ~ человек* и представляют разнообразие черт физического и духовного облика человека. Многие из них в качестве зооморфизмов выступают образной номинацией внешних и внутренних характеристик человека. Например:

• **сила**

русс. *Силен медведь, да в болоте лежит. Богатый силен, что медведь. Смял, как медведь лапами. Правит, как медведь в лесу дуги гнет (гнет, не парит, а переломит – не тужит). Силен медведь, да воли ему нет. Силен медведь, да не умен – сам прет на рожон. Медведь неуклюж, да дюж. Медведь силен, да люди его ловят и др.;*

болг. *хващам мечката за ушиите* (букв. хватать медведя за уши) ‘демонстрировать силу и смелость’;

• **здоровость, крепкость**

русс. *здоров, силен как медведь;*

болг. *Да е насреща ти буболечка, бори се като с мечка* (букв. пусть встретится тебе букашка, борись с ней как с медведем);

• **мягкость, податливость**

русс. *И медведь теленком бывает;*

- **лень**

русск. *Медведь всю зиму лапу сосет. Силен медведь, да в болоте лежит. Сидит как медведь в берлоге;*

- **сердитость**

русск. *Наревел, как медведь;*

- **неуклюжесть, неповоротливость**

русск. *Ловить, как медведь перепелку. Гоняется, как медведь за воробьями. Поворотлив как медведь;*

болгр. *(ходя) като мечка; мечешки* (букв. (ходить) как медведь, по-медвежьи) ‘неуклюже’;

- **угрюмость, нелюдимость**

русск. *Медведем глядеть (смотреть) ‘смотреть угрюмо, быть, казаться нелюдимым, угрюмым’;*

болгр. *(гледам) на/току мечка* (букв. смотреть медведем) ‘(смотреть) бирюком’;

- **доброта, ласковость**

русск. *Ласков, как медведь;*

- **рисковость, бесшабашность**

болгр. *Що ми трябва (ше) от мечка ремък / ремичка* (/...привой, кожух; от мече кече; от мече ухо лъжичник) (букв. зачем мне (был) из медведя ремень (нашильник, шуба; войлок из медвежонка; сумка для ложек из медвежьего уха) ‘об опасности, неоправданном риске’; *Взел съм клечка да бия мечка* (букв. я взял палку бить медведя) диал. ирон. ‘делать что-то неразумное, необдуманное’;

- **плутоватость, изворотливость**

болгр. *(Казала) Мечката на лисицата, а тя на опашката си* (букв. медведь (сказал) лисе, а та своему хвосту) ‘о том, как кто-то перекладывает поручение на другого’;

- **злоба, внушение страха**

русск. *Медведем глядеть (смотреть) ‘злобно’; Аз, буки и веде страшат как медведи. Медведь не умывается, да люди боятся. Медведь не умывается, а человек его пугается;*

- **агрессивность**

русск. *Осла узнают по ушам, медведя – по когтям, а дурака по речам. Хорошо медведя в окно дразнить. Медведи – плохие соседи;*

- **своеобразие, неуживчивость**

русск. *Не привязан медведь, не пляшет. Два медведя в одной берлоге не живут (не уживутся);*

• **ум, сообразительность**

русс. *И медведя плясать учат. И медведя бьют, да учат. И медведя люди учат. В медведе думы много, да вон нейдет. И медведь костоправ, да самоучка;*

болгр. *Мечката я улавят от гората и пак се научава* (букв. медведя из лесу и того обучают); *Мечка се научава, та човек ли не може?* (букв. медведя можно научить, а человека тем более);

• **глупость, бестолковость**

русс. *Силен медведь, да не умен – сам прет на рожон;*

болгр. *(избирам / пробирам) като мечка гнили круши* (букв. (выбирать) как медведь гнилые груши) диал. ирон. ‘не понимать’; *Учи, учи мечка* (букв. учи, учи медведя) ‘о невосприимчивом, не поддающемся обучению человеке’; *Мечка тесто валяше, повече го лапаше* (букв. медведица тесто месила, больше его ела) ‘о тупом человеке, профане’;

• **грубость, топорность**

русс. *Делать что-либо по-медвежьи ‘грубо’;*

• **трусость**

русс. *Кого медведь драл, тот и пня боится. Медведя бояться – от белки бежать; Медведя бояться, так ягод не видать;*

болгр. диал. *(видя) триста мечки под една хвойна* (букв. (увидеть) 300 медведей под кустом можжевельника) ‘испугаться без причины’; *Бои се от мечката, че се бои и от мечетията* (букв. боится медведя, боится и всего медвежьего (медвежьей шкуры, медвежьего помета);

• **рассеянность**

болгр. *Отишъл шабан на мечки, забравил си пушката* диал. ирон. (букв. пошел дурак на медведя, а ружье забыл) ‘о рассеянном человеке’;

• **прожорливость, чревоугодие**

русс. *Медведь по корове съедает, да голоден бывает: кура по зерну клюет, да сыта живет;*

болгр. *(Ям) като мечка; мечешки* (букв. (есть) как медведь) ‘жадно, много, с большим аппетитом’; *Яде като мечка, работи като буболечка* (букв. ест как медведь, работает как букашка) ‘здоров на еду, да хил на работу’; *Гладна мечка хоро не играе* (букв. голодный медведь не танцует) ‘на голодный желудок не поработает’; *Дойдат като буболечки, станат като мечки* (букв. придут как букашки, а станут как медведи) ‘о лакомнике’;

• **немузыкальность, отсутствие (музыкального) слуха**

русс. *Медведь на ухо наступил* ‘о человеке, лишенном музыкального слуха’;

• **бдительность**

болгр. *Мечката спи, ухото ѝ мърда* (букв. Медведь спит, а ухом шевелит);

- **неразумность**

болгр. *Взел съм клечка да бия мечка* (букв. я взял палку бить медведя) ‘делать что-либо неразумно, необдуманно’;

- **благоразумие**

болгр. *Не ти трябва от мечка ремък* (букв. не нужен тебе медвежий ремень); *Не ти трябва от мечье ухо лажичник* (букв. не нужна тебе сумка для ложек из медвежьего уха); *Когато мечката не ти гази ръжта, не я барай* (букв. не трогай/дразни медведя, если он не топчет ржи);

- **самоуверенность, самонадеянность**

русск. *Пришел теленок медведя пугать*;

болгр. *Седнал съм с мечката дренки да ям* (букв. я сел с медведем по-есть кизилю) диал. ирон. ‘переоценивать свои силы, соревноваться с несравненно более сильным противником’;

- **пустодумие, пустословие**

болгр. *На мечката се дояло круши, та казала, че тая година щат се родят много* (букв. Медведице захотелось груш, она и сказала, что в этом году будет большой урожай груш); *Мечката се хвалила, че ще се родят много дренки. Когато я попитали защо, тя рекла: защото ми се е дояло* (букв. Медведица хвасталась, что будет много груш, а когда ее спросили, почему – она ответила, потому что ей захотелось). *Дояли ся круши (дренки) на мечката, та казала, че тая година щат ся родят много* (букв. Медведице захотелось груш (кизиля), она и сказала, что в этом году будет большой урожай);

- **полнота (как характеристика женщины).**

болгр. *Тънка Стана – гол фидана, шъта, ходи като меца* (букв. худая Стана – ходит как медведь).

Показательно, что большинство физических характеристик и черт характера, представляемых мифологемой *медведь* ~ *человек*, распределяются по бинарным оппозициям: *ум* – *глупость*, *агрессивность* – *ласковость*, *крепость* – *мягкость*, *грубость* – *мягкость*, *своенравие* – *податливость*, *злоба* – *доброта*. Это свидетельствует о сложности концепта *медведь*, а также о противоречивости и неоднозначности восприятия медведя в русской и болгарской культурах.

Библиография

- Белянин В. П., Бутенко И. А. (1994), *Живая речь. Словарь разговорных выражений*. Москва.
Блэк М. (1900), *Метафора*, [в:] Теория метафоры, Москва.
Българска народна поезия и проза в 7 тома (2004), *Обредни песни*, том II, съст. Радост Иванова, Тодор Ив. Живков, под редакцията на Тодор Моллов, Варна.
Виноградова Л. Н., Плотникова А. А. (1995), *Водить*, [в:] *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, ред. Н. И. Толстой, Институт славяноведения РАН, том I, Москва.

- Гура А. В. (2004), *Медведь*, [в:] *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, пед. Н. И. Толстой; Институт славяноведения РАН, том 3, Москва.
- Данилов О. В. (1992), *Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья*, Дисс. канд. ист. наук, Москва.
- Кошкарлова Ю. А. (URL), *Архетипические основы медвежьего мифа*, http://sociosphere.com/publication/conference/2012/146/arhetipicheskie_osnovy_medvezhego_mifa/
- Мифологический словарь* (1991), гл. ред. Е. М. Мелетинский, Москва.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. (2007), *Большой словарь русских поговорок*, Москва.
- Стоянова Е. (2012), *Культурная составляющая как основа концептуальной модели (на материале концепта 'медведь' в русской лингвокультуре)*, [в:] *Годишник на ШУ, том XXIII, Шумен*.
- Стоянова Е. (2012), *К описанию концепта 'медведь' в русской лингвокультуре*, [в:] *Материалы V Международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» 9-13 мая 2012 г., Варшава*.
- Телия В. Н. (1977), *Вторичная номинация (Виды наименований)*. Москва.
- Телия В. Н. (1988), *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва.
- Телия В. Н. (1990), *Номинация*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС)*, гл. ред. В. Н. Ярцева, Москва.
- Шаклеин В. М. (1999), *Лингвокультурное содержание слова и предложения*, [в:] *IX Международный конгресс МАПРЯЛ: Докл., Братислава*.
- Bruce Lerro (2000), *From earth spirits to sky gods*, [in:] *Socioecological Origins of Monotheism*. Lanham MD.
- The Prehistory of the Mind* (1996), *The Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art, Religion and Science*.

Elena Stoyanova

(Summary)

ANIMALISTIC NOMINATION AS A MEANS TO DESIGNATE A PERSON (BASED ON «BEAR» IN RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGE AND CULTURE)

The paper focuses on the opportunities of animalistic nominations as means of human identification and qualification. We use as an example such animalistic nomination as *bear* in Russian and Bulgarian language and culture, and also *bear* as a component of Russian and Bulgarian phraseological units. In the category of human language, built on the association with the animal world, find the mapping features of the national spirit and culture. The study aims to examine linguistics and culture specificity in human characterization Russian and Bulgarian language.

Keywords: nomination, language and culture, phraseological units.